

В сорок третьем под Курском...

ПАМЯТЬ

65 лет назад, 12 июля 1943 года, на Курской дуге под деревней Прохоровка произошло самое крупное танковое сражение Второй мировой войны.

— Это потом историки напишут, что победа Советской армии под Курском означала окончательный крах наступательной стратегии германского верховного командования, что победа эта предвещала неизбежность военного поражения Германии. Потом историки подсчитают, что с обеих сторон участие в битве принимали до четырех миллионов человек, тысячи танков и самолётов. Потом скажут, что за 50 дней непрерывных сражений немецко-фашистская армия потеряла свыше 500 тысяч убитых, тяжело раненых и пропавших без вести — почти половину из 70 своих дивизий. Это потом мы узнаем, что потери советских войск превзошли немецкие: сотни тысяч наших воинов остались навсегда в курской земле, погибли в сражении, страшнее и мощнее которого не было на земле.

А тогда, в самом начале июля 1943 года, девятнадцатилетний лейтенант Виктор Чепурнов даже и не предполагал, участником каких событий ему предстоит быть. За плечами были Тульское пулемётное военное училище, короткая служба в пехоте, ранение, полученное под Воронежем, едва оправившись от которого, и получил Виктор назначение в офицерский резервный полк Воронежского фронта.

— Прибыл, смотрю, дяденька в чине капитана подбирает пополнение для танкового корпуса, — рассказывает ветеран, — я к нему: надоело, мол, воевать в пехоте, можно к вам, в танковые войска? Он глянул на меня: «Конечно, можно». Но посадили меня не в танк, определили в мотострелковую часть — бегать за танком, назначили командиром взвода, — так начал свой рассказ о Курской битве её участник, восьмидесятипятилетний полковник Виктор Васильевич Чепурнов. Мы встретились с ним в его квартире на проспекте Машиностроителей в Ярославле, где живёт сейчас герой-фронтовик у одной из своих дочерей. Кофе, чай и печенье, которыми Чепурновы встретили нас, сразу же отступили на десятый план, едва Виктор Васильевич начал свои воспоминания. Говорит он сочно, метко, с юмором, стараясь как можно точнее передать обстановку военных лет, характер и настроение людей, с которыми приходилось сталкиваться.

— Четвёртого июля представили меня личному составу. Взводом до этого командовал сержант Селезнёв: человек в возрасте, с усами, а в глазах — ирония. Глянул эдак на меня — мальчик, мол, сопляк пришёл. Он не знал, что я уже был в бою. Ну, отвлёк мне место: отдыхайте, говорит, товарищ лейтенант.

Отдохнуть, однако, Чепурнову не пришлось. — Вскоре корпус наш полёр на Курскую дугу, — рассказывает он. — Шибанули маршем от Уразово, это местечко было как раз на стыке трех областей — Белгородской, Харьковской и Ворошиловградской — до самой Прохоровки. Шли целый день, с отдыхом и восьмого июля сразу же были брошены во встречный бой.

...Судить о нём мы, люди, выросшие в мирное время, можем разве что по озеровской кинооперке «Освобождение». Тем кадрам, где горят танки, наши и немецкие вперемешку, и танкисты вы-

бираются из горящих машин и, объятые пламенем, катаются по земле. Чепурнов фильм этот не смотрел и не смотрит намеренно. Не понимает фронтовик, как можно сыграть то, что он воочию видел и пережил.

— Человек рождён для жизни, это естественно, а на войне — всё противоестественно: смерть рядом. Можно разыграть танковую операцию, но как передать чувство, с которым живёт человек, зная, что в любую следующую минуту он может умереть? — рассуждает Виктор Васильевич, кадровый военный, которому кроме Курской битвы довелось участвовать и в форсировании Днепра, и во многих других военных операциях, которые отнюдь не назовёшь «войнушкой».

На всю жизнь запомнил молоденький лейтенант тот первый свой день под Прохоровкой.

— Мы заняли позиции несколько южнее станции, — рассказывает он. — Знакомились с обстановкой и вот видим, идут танки. Сотни — с одной

стороны и с другой, немцы и наши. Ринулись друг на друга, стреляют. В небе — каша самолётов, наших и фашистских, их больше... В воздухе — гарь, мгла, а запах — страшная вонь, просто до рвоты, это горелое человеческое мясо так пахнет. Несли большие потери в людях — медицинской помощи не хватало, технике — танки горят, выходят из строя... Вот так лупились! По зубам досталось не только немцам, но и нам.

И всё-таки солдатам-десанникам было легче, чем танкистам, считает Чепурнов. Он прикрывался танком. Машина загорится — можно отбежать. В этом крошечном аду больше всего поразило Виктора Васильевича те спокойствие и уверенность, с которыми наши солдаты — русские, украинцы, белорусы — шли в бой, та необыкновенная храбрость, с которой люди бросались в атаки. Чувствовалось, что все они пришли сюда защищать Родину.

Трудно было взводному: ни карты местности,

ни рации для связи с командованием ему в Красной армии не полагалось. Сколько неразберихи было от этого. Согласованности действий не было даже с соседями. Ориентировались по ходу боя, объясняет Виктор Васильевич. Его выручали уже имевшийся опыт, сметливость да наставления матери, которая сызмальства учила сына присматриваться ко всему, всё замечать. Приказ же для всех был один: вперёд — назад, по обстановке... И так изо дня в день, до самого 12 июля.

На ночь бои затихали, а с рассветом разгорались вновь. Ночи же июльские не слишком длинные, так что отдых у солдат был короткий. Немцы, однако, успевали за это время подтянуть к передовой свежие силы. Откуда только они у них и брались? Каждый день в бой шла новая техника. Наши прямо на поле боя восстанавливали что могли, из запчастей от подбитых машин.

(Окончание на 3-й стр.)

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

В сорок третьем под Курском...

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

До двенадцатого июля Красная армия вела на Курской дуге оборонительные бои. Они начались ещё пятого июля, когда, как выяснила наша разведка, гитлеровцы планировали начать наступление на Курск. Чтобы расстроить его, советское командование и спланировало свои контрмеры. За час до назначенного немцами наступления наша артиллерия нанесла по войскам противника мощный бомбовый и артиллерийский удар. Гитлеровцы понесли огромные потери, и это, как известно, на два с половиной — три часа отстрочило начало их наступления, заставило «на ходу» вносить в него коррективы. Дальнейшие семидневные бои, в которых

шли в основном наши, немцы его боялись. Пехота у немцев шла сзади танков. Загорится машина, а они горели не меньше наших, экипаж пытается вылезти из машины, и — попадает под обстрел. Наши же десантники шли впереди своих танков — «тридцатьчетвёрок», — указывали им цель, видимость то в танках неважная.

...Контратака длилась часов шесть, впрочем, часов у Виктора Васильевича не было, и он лишь приблизительно судит о протяжённости боя. Потому немцы дрогнули, начали постепенно отступать. Воевал Чепурнов и его товарищи против отборной дивизии Фюрера «Мёртвая голова».

Когда разгром немецкой армии на Прохоровском поле завершился окончательно, и части пятой, Катковской, пер-

датской Славы (Полтавцев, Ремизов и Юшков, который был и участником парада Победы в 1945 году), и взводный очень гордится этим. Довелось Чепурнову послужить в разведке, ходить за линию фронта, добывая ценные сведения о противнике. Не имея таких высоких наград, как его сослуживцы, он гордится своими медалями «За отвагу», которые среди бывалых фронтовиков имеют вес ничуть не меньший, чем самые высокие ордена страны, орденами «Красной Звезды», полученными за участие в боевых операциях.

Как самую дорогую реликвию хранит ветеран вырезки из фронтовой дивизионной газеты «В решающий бой», где рассказывалось о взятии польского города Холм, чему очень помог разведывательный рейд под руководством лейтенанта Чепурного. О дерзком взятии «языка» в Люблине, ещё оккупированном немцами. Эти эпизоды, описанные фронтовыми корреспондентами, буквально просятся в фильмы о войне... Но их, как мы знаем, Виктор Васильевич не любит. А заметки эти родителям Чепурнова переслал кто-то из его сослуживцев, и мама Виктора Васильевича хранила их до самой своей смерти в 1959 году. Только после того, как сестра обнаружила их в материнском хранилище — под клеёнкой на столе — прочитал о своих подвигах, вспомнив бывшее, и сам Виктор Васильевич.

Закончив войну, он остался в армии. Женился. Учился. Дослужился до звания полковника. И закончил военную карьеру, будучи комендантом военного гарнизона советских войск в Германии. С немцами у него тогда сложились нормальные и даже дружеские отношения, в том числе и с теми, с кем гипотетически мог столкнуться на Прохоровском поле, в других сражениях. Бывшим противникам было о чём поговорить, над чем поразмышлять.

— Народ ведь всегда расхлёбывает действия политиков, — подводит итог нашему долгому разговору Виктор Васильевич Чепурнов.

За все прошедшие шестьдесят пять лет ему так и не довелось побывать под Курском, хотя за тем, что происходит там в последние годы, ветеран следит. Знает и о музее, и о панораме битвы. Раза два за прошедшие годы он встречался со своими однопольчанами, вёл переписку с сослуживцами по взводу, но на сегодня в живых из них остался он один.

Виктор Васильевич Чепурнов впервые в жизни поделился своими военными воспоминаниями с такой большой аудиторией, как читатели «Северного края». До этого рассказы его слушали лишь дети и внуки. Подростают правнуки. Пусть и им останется в наследство великая Победа, которая была бы невозможна без их прадеда... Без каждого из наших — отцов, дедов, матерей, братьев, сестёр — приближавших её.

Ирина ХРУПАЛОВА.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

принял участие и лейтенант Чепурнов, окончательно измотали немцев. И хотя врагу удалось вклиниться в нашу оборону на небольшом северном участке битвы и на южном, как рассказывают в учебниках истории, 12 июля 1943 года, после оборонительных боев, советские войска Западного и Брянского фронтов без паузы перешли в контрнаступление.

Оно началось со знаменитого, крупнейшего в истории, встречного танкового сражения в районе деревни Прохоровка, где с обеих сторон участвовало более 1100 танков и самоходных орудий. Там за день боя враг потерял свыше 350 танков и свыше 10 тысяч человек.

— 12 июля нас переподчинили пятой танковой армии Рыбалко, — вспоминает Виктор Васильевич Чепурнов. — Так, совместно с ней и бросили в последнюю жестокую контратаку. Немцы начали наступление раньше нас. Стеной шли «Тигры», «Пантеры», «Фердинанды». Танки сходились как люди, бились. Но на «таран»

вой танковой армии, Тагинский танковый корпус ушли вперёд, воинское подразделение, в котором служил Виктор Васильевич Чепурнов, вывели в резерв, и он со своими боевыми товарищами ходили уже по Прохоровскому полю, собирая людей и технику. Танки надо было восстанавливать для новых боёв. Из разговоров тогда он слышал и запомнил, что таким образом удалось вновь собрать 30 или 40 машин.

А уже через день после этого Чепурнов и его взвод вновь маршировали по дороге войны, теперь уже на Сумы, Лубны, которые им довелось освободить. Шли на Днепр. Со своими фронтовыми товарищами Василием Тюриным, Дмитрием Полтавцевым, Николаем Ремизовым, Юшковым (имя его с годами подзабылось) ему довелось освобождать Польшу, идти до самого Берлина. За боевые заслуги подчинённые Виктора Васильевича были награждены званием Героя Советского Союза (В. Тюрин), тремя орденами сол-